

ВМЕШАТЕЛЬСТВО кукол в самый заурядный спектакль — словно появление прекрасной Суок в тяжелом великолепном дворца Трех Толстяков. Куклы вносят в представление тот элемент условности и игры, который превращает имитацию жизни в праздник, в театр. Человеку на подмостках рядом с куклами — опасно. Куклы сразу разоблачают чуждость обыкновенного человека, прикидывающегося необыкновенным. Остается прикидываться обыкновенным. И Андрэ Таон, «показывающий» своих кукол, как значится в афишах, играет обыкновенного француза — в расчете на сложившийся у иностранцев стереотипный образ. Он остроумен, непринужденно держится... И певица Мари Сури, исполняющая самые популярные песенки о любви и о Париже, тоже играет обыкновенную французскую певицу — чуть-чуть грубовато-интимную, не то продащицу с Плас-Пигаль, не то герцогиню, «мадемуазель,

де Пари». Особенно хороша она в сценке «Галоп» — кукла «в натуральную величину». Над серой ширмой движутся, забавно припрыгивая, две куклы, одетые по моде начала века, с зонтиками в руках. А внизу, на фоне ширмы, также припрыгивая в такт глуховатой мелодии, движется Мари — с зонтиком и в платье из того же блестящего шелка... Но главные герои этого спектакля-концерта, где на сцене попеременно то куклы, то люди, — все-таки куклы. И среди них самый главный — Панотэн, представленный в программе как «ненормальный болтун». Конечно, болтает он больше по-французски, но не прочь словечко-другое вставить и по-русски. А давно известно, сколько комических эффектов в смешении двух языков, «макаронизме» — Па-

потэн всю этим пользуется.

Панотэн грустно-задумчив, чувствителен, трогательно одинок, но неизменно бодр и жизнелюбив, в нем сохранился дух персонажей народных ярмарочных представлений, хотя сейчас он как будто чувствует себя лучше в своем домике, нежели на площади. Гордо встряхивающий взлохмаченной шевелюрой и заботливо поливающий свои цветочки, он и поэт, и милый безбидный обыватель — одновременно.

Сценка «Любовные переживания» наиболее отвечает характеру этой маски. Панотэн — в ночной сорочке и колпачке — рассказывает историю своей любви: он ее любил, но принял другой, с деньгами... Панотэн рассказывает и стелет свою постельку: он вытаскивает

на сцену деревянную кроватку, кладет матрасик, простынку, подушку (в самом этом процессе для зрителей заключен немалый интерес, потому что каждый осмысленный жест куклы для нас — фокус, притягательная загадка)... Конец его трагической истории сопровождается водружением на постель толстой яркой-алой перины! Рыжая метелка кошачьего хвоста подливает к ногам одинокого, покинутого влюбленного, Панотэн задвигает свечи... Внутренний сюжет этой сценки до мелодраматизма банален. Но кукла — это всегда и народня на наши, человеческие переживания, а народня дозволены, и «романская» жестокость, и монументальная патетичность, и мелодраматическая сентиментальность.

Куклы Андрэ Таона — подчеркнуто куклы (кстати,

Таон не только режиссер своих спектаклей, не только актер, но и творец своих кукол); они не открывают рта, не хлопают глазами, не болтают ножками, демонстративно свешенными по сторону занавеса. Но в них открывается одну весьма важное для кукол свойство: оказывается, наряд куклы не менее важен, чем умение смеяться, вертеть шеей. Во всяком случае, между судьбой куклы на сцене и покоем ее балахонника существуют некие таинственные связи.

Когда часть туалета певицы — мохнатое белоснежное боа на наших глазах превращается в кокетливую гусеницу Плом, — это опять неожиданно!

В этом внезапном превращении условность обнажена до предела.

Вот сотворенная из боа Плом демонстрирует свои «гусеничные» таланты, сжимаясь и растягиваясь, извиваясь, сверкая зелеными очами — единственным, отличающим ее от боа. Когда

над занавесом возникает оранжевый горбик улитки Сло-Сло, происходит милое знакомство. Плом залезает внутрь раковины и, смешно коверкая русское слово, возмущенно кричит: «Голая!». Удиральная из своего домика, «голая» Сло-Сло проносится по сцене под хохот зрителей зала.

Затем появляется нежно-алый приятель Плом, явно, того же, что и она, происхождения. Они исчезают и через некоторое время возвращаются в сопровождении трех малышек: красненького, беленького и... «серединка-наполовинку»!

Без кукол подобную историю разыграть абсолютно невозможно (разве что в мультфильме).

В понимании специфики кукольного театра, по моему, и заключается успех лучших номеров Парижского театра кукол, получившего первую премию на фестивале кукольных театров в Бухаресте и приехавшего на гастроли в Советский Союз.

С. ЕРЕМИНА.

НАШИ ГОСТИ

Куклы Андрэ Таона

30 ИЮН 1968

УЧИТЕЛЬСКИЙ ГАЗЕТА